

СМИРНОВ Вадим Анатольевич — кандидат политических наук, старший научный сотрудник факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (119991, Россия, г. Москва, Ломоносовский пр-кт, 27, корп. 4; vsmirnov@kantiana.ru)

ФИДРЯ Ефим Сергеевич — кандидат социологических наук, заведующий социологической лабораторией анализа, моделирования и прогнозирования рисков, доцент кафедры политики, социальных технологий и массовых коммуникаций Балтийского федерального университета им. И. Канта (236041, Россия, г. Калининград, ул. Александра Невского, 14; EFidrya@kantiana.ru)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОНИЦАЕМОСТИ КАНАЛОВ РЕКРУТИРОВАНИЯ ВЛАСТНЫХ ГРУПП В СТРАНАХ ПРИБАЛТИКИ

Аннотация. В статье рассматриваются характерные особенности каналов рекрутирования политических элит в странах Прибалтики в постсоветский период. Применен понятийный аппарат конвертации различных видов капитала представителями политической элиты. На основе изучения карьер политиков выявляются характерные модели накопления и конвертации капиталов политической элиты в прибалтийских государствах. Для анализа взаимосвязей между различными видами позиций, занимаемых политическими элитами до и после прихода во власть, используется метод множественного анализа соответствий. Концептуализируется феномен «вращающихся дверей», выражающийся в перемещении представителей властных групп между различными позициями в сфере бизнеса, науки, исполнительной и законодательной власти.

Ключевые слова: политическая элита, властные группы, множественный анализ соответствий, страны Прибалтики, Литва, Латвия, Эстония, каналы рекрутирования, феномен «вращающихся дверей»

На протяжении постсоветского периода при исследовании политических элит в Прибалтике основное внимание уделялось каналам рекрутирования в «вертикальном» направлении, а именно социальным группам, представители которых пополняли состав политической элиты на различных этапах. При этом недостаточное внимание было уделено горизонтальной проницаемости каналов.

Как отмечает О.В. Гаман-Голутвина, категория проницаемости описывает способности горизонтального передвижения членов политической элиты в системе разнообразных каналов рекрутирования. Эта категория не статична, проницаемость каналов, равно как и ротация политических элит в целом, имеет тенденцию к увеличению в периоды кризисов. В спокойные времена темпы ротации замедляются [Гаман-Голутвина 2000].

Страны Прибалтики не являются исключением в этом смысле. Однако в Литве, Латвии и Эстонии в данном случае существуют значительные различия по конкретным параметрам. Для концептуализации данных различий, устанавливаемых на эмпирическом уровне, целесообразно обратиться к термину «вращающиеся двери», обозначающему переток представителей властных групп между различными позициями до и после прихода во власть.

В научной литературе «вращающиеся двери», как правило, рассматриваются в контексте неформальных институтов, коррупционных и лоббистских практик [Etizon, Davis 2008; Vidal, Draca, Fons-Rosen 2010]. В частности, можно обратить внимание на исследование феномена образования «властной группы» в медиасреде США, обладающей прочными горизонтальными связями и влиянием на государственное управление, где одним из инструментов анализа стало понятие «вращающихся дверей». Вместе с тем встречаются и позитивные оценки данного феномена как способствующего накоплению различного опыта, который затем может быть успешно применен на государственном поприще [Mundheim 1980].

В отношении стран Прибалтики отечественные ученые сравнительные исследования феномена «вращающихся дверей» не проводили. Поэтому в фокусе настоящей статьи – эмпирический анализ «вращающихся дверей» в прибалтийской политике с точки зрения конвертации различных капиталов представителями властных групп на пути во власть и после оставления политических позиций.

Методология исследования

Помимо «старой» партийной номенклатуры, одним из основных каналов рекрутирования для властных групп стран Прибалтики, формировавшихся после провозглашения ими независимости, стали общественные институты, связанные с наукой и образованием, культурой и искусством, из которых вышли так называемые политики морали. Другим важным каналом стал бизнес, роль которого в рекрутинге политиков Литвы, Латвии и Эстонии последовательно возрастала на протяжении постсоветского периода. Соответственно, именно эти каналы – общественная и частная сфера – послужили основными объектами нашего внимания в изучении проницаемости властных групп стран Прибалтики – входов и выходов из «вращающихся дверей» политических элит и накопления ими соответствующих видов капитала.

Эмпирическая часть данной статьи основывается на анализе опыта работы в общественной и частной сфере до прихода во власть (первичные позиции); в первичных политических структурах, в которых политики занимали посты, войдя во власть; позиций в общественных или бизнес-структурах после ухода из власти (вторичные позиции) и, наконец, в политических структурах, в которые представители властных групп возвращались для возобновления политической карьеры (вторичные политические позиции).

К политическим элитам мы относим акторов (индивидуальных или групповых), которые благодаря преимуществу своего стратегического положения, занимаемого в крупных организациях, считаются ведущими, способными оказывать постоянное и значительное влияние на политические результаты [Хигли 2011: 35]. В качестве членов политической элиты нами рассматриваются те, кто занимал в период с 1992 по 2015 г. в соответствии с конституционным дизайном страны следующие позиции во властных структурах (парламент, правительство, аппарат президента) президенты, премьер-министры, председатели законодательных собраний, вице-премьеры, вице-спикеры, министры (занимающие свои посты не менее 1 года – данное ограничение введено в связи с большим числом правительственных кризисов, смен кабинетов на начальном этапе), лидеры основных политических партий (имеющих фракции в парламенте) и депутаты, занимающие места в парламенте не менее 2 сроков.

В случае Литвы объем выборки составил 179 представителей властных групп, где 71 политик представляет правительство, 35 чел. являются президентами и представителями администрации, а 73 представляют парламент. Объем выборки политических элит Латвии составил 146 случаев, где для 84 политиков первичной политической структурой явилось правительство, для 57 – парламент, для 3 – президентские структуры, по 1 – муниципальные институты и институты Евросоюза. Выборка политических элит Эстонии составила 228 случаев, где для 8 политиков первичной политической структурой явилась президентура, для 83 – правительство, для 137 – парламент¹.

¹ Стандартизованная информация, содержащая необходимые нам биографические данные, взята из страновых справочников «Кто есть кто», с официальных сайтов президентов, правительств и парламента прибалтийских республик, а также с официальных сайтов коммерческих компаний и общественных организаций. Вторичный анализ полученных данных включает в себя построение таблиц сопряженности и расчет процентов тех или иных категорий политиков, а также многомерный анализ категориальных данных методом множественного анализа соответствий с последующим кластерным анализом.

Литва: конвертация символического капитала в политический

Только в 23,5% случаев до своей политической карьеры исследуемые занимали позиции в социально-гуманитарной сфере, причем подавляющее большинство работали в научно-исследовательских и образовательных организациях (17,8%). В частной сфере до начала карьеры в органах власти работали 21,2% политиков, однако сферы их занятости существенно разнообразнее: наибольшая часть политиков (суммарно 10,7%) до политической карьеры были заняты в «реальном секторе» (промышленность, энергетика, сельское хозяйство, строительство, транспорт); 5,6% политиков начинали свою карьеру в сфере финансов и консалтинга; еще 5% до начала политической карьеры занимались медиабизнесом (средства массовой информации и телекоммуникации).

Анализ первичных и вторичных политических структур также показывает значительное совпадение точек входа и последующего возврата в политические элиты. Для существенной части политиков уход из власти оказался временным: в различные политические структуры вернулись 67,6% членов правительства, 62,8% членов президентской команды, 79,5% депутатов сейма.

Для сопоставления и анализа взаимосвязей между различными видами позиций мы воспользовались методом множественного анализа соответствий¹.

По результатам множественного анализа соответствий первичные и вторичные позиции литовских политиков, занимаемые ими в пространстве власти, бизнеса и в общественной сфере, группируются по двум основным осям – горизонтальная отражает оппозицию между символическим капиталом и экономическим, вертикальная – между политическим и административным.

Структурная близость переменных, отражающих позиции в общественном, политическом и бизнес-пространстве, показывает, что для литовских политиков характерно повторное возвращение в те же сферы и структуры – и властные, и коммерческие, и общественные, – в которых они уже состояли. Выявить наиболее типичные траектории конвертации капитала участниками политического пространства и оценить степень проницаемости властных групп позволяет кластерный анализ².

На основании значений структурно-позиционных переменных нами выявлено 4 характерных кластера. Первый включает наиболее типичную (71%) категорию политиков, большинство из которых не работали до прихода во власть в бизнес-структурах, но сравнительно часто обладали академическим опытом и после приобретения первого политического опыта либо окончательно вернулись в академическую сферу, либо перешли в сейм. Второй (16%) объединяет политиков, имевших опыт руководства промышленными предприятиями и пришедших в политику через сейм, а затем либо вернувшихся в реальный сектор, либо конвертировавших свой политический и экономический капитал в занятие руководящих позиций на муниципальном уровне. Два последних кластера составляют довольно специфические траектории: в случае третьего кластера (10%) политики, пришедшие во власть из частных структур (в основном из медиа), значительно чаще выбирали в дальнейшем дипломатическую карьеру, а четвертый кластер (3%) составили исключительно президенты.

Латвия: замыкание в политическом пространстве

В отличие от Литвы, довольно значительная часть латвийских политиков (56,8%) до прихода во власть имели опыт работы в социально-гуманитарной сфере: как правило, это позиции в секторе образования и науки (30,1%), а также

¹ Методологическая основа метода детально рассматривается в ряде работ [Le Roux, Rouanet 2010; Шафир 2009; Benzécri 1992].

² Напр., см. работы Ф. Лебарона [Lebaron 2008; 2010; 2012].

здравоохранения (8,9%), культуры (7,5%), охраны правопорядка (6,8%), в общественных организациях и ассоциациях (3,5%).

В бизнесе до прихода во власть было занято меньшее число членов политических элит Латвии (46,6%), однако их доля вдвое выше, чем аналогичный показатель для Литвы. Наибольшая часть будущих политиков получали бизнес-опыт в сфере финансов и консалтинга (19,2%). В реальном секторе были заняты 15,1%, в сфере коммуникаций – 10,9%.

Уровень сохранения политического и административного капитала после первого прекращения или прерывания политической карьеры оказался достаточно высоким. Например, среди членов сейма 93% затем продолжили политическую карьеру в тех или иных властных институтах (в частности, в сейм вернулись 52,6%), среди членов правительства процент возврата во власть – 70,2% (однако только 17,9% из них вернулись именно в правительственные структуры).

Итоги множественного анализа соответствий структурно-позиционных переменных латвийских политиков выделяют по горизонтальной оси оппозицию между символическим капиталом и экономическим, а по вертикальной – между политическим и административным.

Результаты кластерного анализа показали, что в отличие от литовского политического пространства, где четко доминирует одна траектория конвертации политического и административного капитала, в латвийском политическом пространстве 4 основных кластера разворачиваются относительно равномерно.

Первый кластер (28,8%) составляют преимущественно выходцы из сектора финансов и консалтинга, не связанные с общественной сферой ни до прихода в политику, ни после и продолжившие свою постполитическую карьеру в телекоммуникациях, финансах и консалтинге либо вернувшиеся на правительственные или муниципальные посты. Вторым (13%), по структуре капиталов близкий к первому, образуют политики, пришедшие в органы власти из институтов защиты правопорядка (военных или правоохранительных), однако продолжившие свою карьеру в реальном бизнес-секторе; в этом кластере крайне мало представителей академических элит и тех, кто не перешел после окончания политической карьеры в бизнес. Третий кластер (29,4%) составляют в основном представители сейма, пришедшие как из здравоохранения, так и из сферы коммуникаций и оставшиеся в политике либо ушедшие впоследствии в общественные ассоциации и советы. Практически никто из них не конвертировал свой политический капитал в экономический. Наконец, четвертый кластер (28,8%) образовали представители академических структур и общественных ассоциаций, пришедшие на правительственные посты и впоследствии перешедшие в органы Евросоюза либо вернувшиеся в академическое поле. Никто из данного кластера не перешел работать в бизнес.

Эстония: экономико-административная траектория

Опыт работы по социально-гуманитарному профилю до прихода во власть в Эстонии имели 32% политиков – это несколько больше, чем в Литве, но существенно меньше, чем в Латвии. Основным сектором для них стала сфера образования и науки (14,9%), значительное число политиков пришли во власть из сферы культуры (7%). Бизнес-опытом до прихода во власть обладали 28,1% эстонских политиков, причем 10,5% из них – выходцы из сферы коммуникаций, 9,3% – из сферы финансов и консалтинга, 9,2% – из реального сектора.

Среди эстонских политиков уровень сохранения политического и административного капитала оказался ниже, чем в случае с Латвией: среди членов правительства во власть вернулись 56,6% (37,3% – в Рийгикогу), среди депутатов Рийгикогу – 40,9% (в основном вновь в парламент или на муниципальный уро-

вень), а вот среди членов президентского аппарата процент возврата оказался всего 12,5%.

Переменные политического пространства в ходе множественного анализа соответствий сгруппировались по двум осям: горизонтальная отражает оппозицию между экономическим капиталом и символическим, вертикальная — между политическим и административным.

Структура кластеров эстонского политического пространства ближе к литовской с преобладанием одной модели накопления и конвертации капиталов.

Первый кластер (9,7%) образуют политики, группирующиеся в «административно-символическом» квадрате: большинство из них пришли во власть из сферы культуры и либо вернулись туда, либо в конечном итоге закрепились в парламентской власти. Второй (5,7%) целиком состоит из политиков, закрепившихся в правительственных структурах; здесь нет ни тех, кто в конечном итоге вернулся в парламентские элиты, ни тех, кто выпал из политической жизни. Третий, самый многочисленный кластер (70,6%) в основном составляют политики, не имевшие опыта работы в общественно-гуманитарной сфере ни до прихода во власть, ни после ухода из политики. Здесь также высока доля тех, кто, покинув властные структуры, уже в них не вернулся. Большинство из них, однако, имели опыт работы в бизнесе. Наконец, четвертый кластер (14%) теснее других связан с президентским аппаратом, располагаясь по вертикальной оси политического капитала. Политики этого кластера значительно чаще работали в социальной сфере до прихода во власть, и многие из них туда и вернулись. Представителей парламентских элит в этом кластере вдвое меньше, чем в среднем по выборке.

Выводы

1. Как показывает множественный анализ соответствий, в постсоветский период поле власти прибалтийских государств структурировалось вокруг четырех типов капитала, которые составляли две ключевых оппозиции: политический/административный и экономический/символический. Основные практики накопления и конвертации капиталов политических акторов так или иначе тяготеют к одному из этих полюсов, образуя типичные модели.

2. Наибольшим объемом символического и экономического капитала, привнесенного во власть из общественно-гуманитарного поля и поля бизнеса, в исследуемый период обладали политические элиты Латвии, более половины которых опирались на эти ресурсы при вхождении в политическое пространство. В случае с эстонскими политическими элитами такими ресурсами обладала примерно треть политиков, в случае с литовскими — 20–25% политиков.

3. Значительная часть политических элит (как правило, больше половины) после окончания первого этапа своей политической карьеры возвращаются во властные структуры. Наименьшим процентом возврата в политическую карьеру отмечаются члены президентского аппарата (большинство из них заняли позиции в общественно-гуманитарном поле), в то время как члены парламентских элит, как правило, продолжают вращаться в поле власти либо конвертируют свой политический капитал в символический, уходя в академическую сферу или в общественные советы и ассоциации. Представители бизнеса после окончания первого этапа политической карьеры часто возвращаются в экономическое поле. Однако если они продолжают карьеру в органах власти, то значительно чаще других занимают посты в исполнительной власти на правительственном или муниципальном уровне.

4. Наиболее типичной моделью накопления и конвертации капиталов для Литвы является накопление символического капитала в академическом поле с

последующим занятием позиции в поле власти и дальнейшим возвратом в академическое поле либо закреплением в парламентских элитах. Типичная модель эстонских политических элит менее специфична, однако в ней существенно меньше представителей общественно-гуманитарного сектора и достаточно велика доля бизнес-элит. Наконец, в случае Латвии отмечается значительное разнообразие траекторий: первую образуют выходцы из бизнеса либо вернувшиеся в него из поля власти, либо занявшие административные позиции; вторую образовали «символические магнаты», пришедшие в парламент из общественного сектора или коммуникационного бизнеса и затем либо оставшиеся в этом поле, либо занявшие общественные посты; третью составили представители академической элиты, занявшие правительственные посты и вернувшиеся в академическое поле.

Список литературы

- Гаман-Голутвина О.В. 2000. Определение основных понятий элитологии. — *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 97-103.
- Хигли Дж. 2011. Элиты, внеэлитные группы и пределы политики: теоретический ракурс. — *Элиты и общество в сравнительном измерении: сборник статей* (под ред. О.В. Гаман-Голутвиной). М.: РОССПЭН.
- Шафир М.А. 2009. Анализ соответствий: представление метода. — *Социология: методология, методы, математическое моделирование*. № 28. С. 29-44.
- Benzécri J.-P. 1992. *Correspondence analysis handbook*. NY: Dekker.
- Etizon D., Davis G. 2008. Revolving Doors? A Network Analysis of Corporate Officers and U.S. Government Officials. — *Journal of Management Inquiry*. Vol. 17. No. 3. P. 157-161.
- Lebaron F. 2008. Central bankers in the contemporary global field of power: a 'social space' approach. — *The Sociological Review*. Vol. 56, Suppl. 1. P. 121-144.
- Lebaron F. 2010. European Central Bank leaders in the global space of central bankers: A Geometric Data Analysis approach. — *French Politics*. No. 8. P. 294-320.
- Lebaron F. 2012. A Universal Paradigm of Central Banker? An Inquiry Based on Biographical Data. Social Glance. — *Journal of Social Sciences and Humanities*. Vol. 1. No. 1. P. 40-59.
- Le Roux B., Rouanet H. 2010. *Multiple Correspondence Analysis*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publication, Inc.
- Mundheim R. 1980. Conflict of Interest and the Former Government Employee: Rethinking the Revolving Door. — *Creighton Law Review*. Vol. 14. P. 707-721.
- Vidal J., Draca M., Fons-Rosen C. 2010. *Revolving Door Lobbyists*. London, UK: London School of Economics.

SMIRNOV Vadim Anatol'evich, Cand.Sci.(Pol.Sci.), Senior Researcher at the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (27, bld. 4 Lomonosovsky Ave, Moscow, Russia, 119991; vsmirnov@kantiana.ru)

FIDRYA Efim Sergeevich, Cand.Sci.(Soc.), Head of the Sociological Laboratory for the Risk Analysis, Modeling and Prognostication, Associate Professor of the Chair of Policy, Social Technologies and Mass Communications, Immanuel Kant Baltic Federal University (14 Aleksandra Nevskogo St, Kaliningrad, Russia, 236041; EFidrya@kantiana.ru)

COMPARATIVE ANALYSIS OF PERMEABILITY OF POLITICAL ELITE RECRUITMENT CHANNELS IN THE BALTIC STATES

Abstract. The article discusses characteristics of the channels of recruitment of political elites in the post-Soviet Baltic

countries. The focus of the study of elites in the Baltic States has been paid to the channels of recruiting power groups, the concept of converting various types of capitals by the representatives of the political elite. Based on extensive empirical material (several hundred cases of political careers in Lithuania, Latvia and Estonia) typical patterns of accumulation and conversion of capitals by political elite in the Baltic states are identified. In order to analyze the relationship between different types of positions held by political elites before and after political office, the method of multiple correspondence analysis is applied. The article conceptualizes the revolving doors phenomenon expressed in the movement of representatives of power groups between different positions in business, academia, the executive and the legislative branches. The movement takes place through converting the symbolic, administrative, political and economic capitals. In each of the Baltic states, there is a special model of conversion of capital.

Keywords: political elite, power groups, multiple correspondence analysis, Baltic states, Lithuania, Latvia, Estonia, channels of recruitment, revolving doors phenomenon

ГАЗИЗОВА Лира Ильдусовна — кандидат политических наук, руководитель научно-исследовательского и информационного центра Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан (450008, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 40; gazizova-lira@mail.ru)

МОДЕЛИ ОРГАНИЗАЦИИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Аннотация. В рамках данной статьи анализируются комбинации различных способов замещения управленческих позиций в 3 ключевых институтах муниципальной власти (глава муниципального образования, глава администрации муниципального образования и Совет депутатов), именуемых моделями. Исследуемые модели нашли свое правовое закрепление в федеральных законах, принятых в 2014–2015 гг. В соответствии с муниципальным законодательством право определения модели устройства органов власти на местном уровне делегировано региональным законодательным собраниям, а структура органов в конкретном муниципальном образовании закрепляется его уставом.

Ключевые слова: муниципальная власть, модели муниципальной власти, выборы, представительный орган власти, глава муниципального образования, глава администрации муниципального образования

Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹, а также ряд федеральных законов, принятых в 2014–2015 гг., закрепляют альтернативные способы формирования органов муниципальной власти, что позволяет выделить несколько моделей устройства публично-властных отношений на местах. Они различаются по способу формирования представительного органа (через прямые выборы, опосредованные выборы) и по способу назначения высших должностных лиц — главы муниципального образования и главы администрации (выборы или контракт). В каждом из сочетаний мы можем наблюдать разную степень участия населения в формировании органов власти. В регионах России реализуются 4 модели муниципальной власти (см. рис. 1–4).

В случае модели 1 (см. рис. 1) представительный орган — Совет депутатов избирается путем всеобщего равного тайного голосования на муниципальных выборах (в муниципальных районах может формироваться из глав поселений и депутатов представительных органов поселений), при этом председатель пред-

¹ Федеральный закон РФ от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/